

Содержание

Пороги	5
Свежо предание	289

Пороги

1. Институт

Два окошка бюро пропусков были как два настороженных глаза, полуприкрытых стеклянными веками. Нешатов сунул под одно из них свой паспорт, подождал немного и получил его обратно вместе с пропуском. Он вошел в институт, увидел незнакомые зеленоватые стены, горшки с пальмами, лестницу, ступени под мрамор со шербатыми, зазубренными краями. Они словно скалились на него, эти ступени. Внезапно захотелось уйти. Ерунда, решено, надо.

В пропуске написано: комната 213 — значит, второй этаж. Число 13 неприятно его поразило; он тут же обругал себя дураком. Не хватает еще суеверий! На площадке второго этажа, обширной, как маленький зал, бросалась в глаза Доска почета — грандиозное сооружение, целый монумент. На малиновом бархате сверху — толстые золотые буквы, а под ними в четыре ряда портреты передовиков производства. Он прошелся по ним глазами; слава богу, знакомых лиц не было. Тут он непроизвольно стал думать о бархате. Он теперь вообще плохо контролировал свои мысли: они цеплялись за что попало, начинали путешествовать. Вот и сейчас воображение подsunуло ему толстые рулоны бархата; кто-то снимал их с полки, с мягким стуком бросал на прилавок, разворачивал, и ткань лилась, послушно сгибаясь, поблескивая на сгибах. Потом из этих рулонов стали возникать скатерти, драпировки, знамена, стенды — вся торжественность официального бархата красных тонов. Он отряхнулся, отогнал от себя этот мысленный бархат, отошел от Доски, свернул налево.

По коридору шли люди, много людей, сплошь незнакомые, в большинстве молодые. В том институте, где он когда-то работал, в той предыдущей жизни (он ее видел словно в дымке за давностью лет), помнится, лица были старше, озабоченнее, солиднее. А эти, молодые, шли себе хозяевами, говоря, гомоня, смеясь, толкаясь. Некоторые на ходу что-то дожевывали — наверно, кончился обеденный перерыв. Шли девушки в модных, до середины икр, юбках, покачивая тонкими, а то и не очень тонкими талиями. Шли юноши с извилистыми ногами в тесных, демонстративно потертых, до нитяной основы выношенных джинсах. Кое-кто из девушек тоже в джинсах, таких же обтянутых, с низкими поясами (при каждом шаге сзади обозначались некрупные, но отчетливые формы). Одна из них — тощая, очки в пол-лица — пробежала мимо, стуча своими сабо, догнала длинного юнца, поднялась на цыпочки и со всего размаху ударила его портфелем по голове. Парень присел и свистнул; мимо идущие не обратили внимания. «Школа какая-то, — с неодобрением подумал Нешатов. — Кстати, к кому я иду?» Он заглянул в пропуск, прочел: к товарищу Ган Б. М. Мужчина или женщина? Теперь не поймешь: никто не склоняет фамилий. Несколько длинных секунд он злился на тех, кто не склоняет фамилий.

Он медленно шел вдоль стены, почти касаясь дверей, читая на них номера. Люди, спешившие по коридору, чем-то его раздражали, вызывали неприязнь. «Как я богат теперь неприязнью и как беден любовью», — подумал Нешатов. Он увидел номер 213, принудил себя войти.

Комната была небольшая, несветлая, тесно заставленная шкафами и приборами. Большие, тусклые, неприветливые окна выходили на задний замкнутый двор, где три-четыре человека в темных спецовках жгли костры из деревянной тары. Нешатова поразило, что на некоторых оконных стеклах сохранились, еще со времен войны, косые кресты. Не сами кресты, а их тени: бумага отмылась, следы клея — нет. Нынешняя молодежь, поди, и не знает, что означают эти кресты. В начале войны всюду заклеивали оконные стекла крест-накрест бумажными лентами; считалось, что это предохраняет их во время бомбежки. Оказалось, ничуть не предохраняет, сыплются стекла с крестами и без, но тогда — верили. Он сам

старательно клеил окна у себя в школе, думая, что делает нечто важное, оборонное, что может даже повлиять на исход войны... Острая мальчишеская тоска по фронту, до которого не дорос: остается клеить окна. Силикатный клей разъедает стекло, потом не отскребешь, не отмоешь... Кресты памяти — вот они. Не на всех стеклах, только на некоторых; остальные чисты, прозрачны. Это те, которые разбили и заменили. Разбить и заменить — ничего другого не остается.

Мысли снова поехали в сторону. Он отчетливо ощутил памятью запах силикатного клея и увидел свои собственные тощие и грязные мальчишеские руки, держащие за оба конца провисшую, тяжелую от клея бумажную ленту...

Тем временем из-за стола поднялся сутулый ярко-седой человек лет шестидесяти с бледным вислым носом и заметными черными бровями.

— Юрий Иванович? — спросил он высоким носовым голосом.

— Это я.

— Очень рад. А я Борис Михайлович Ган. Будем знакомы.

Слава богу, мужчина, подумал Нешатов. Рука у Гана была узкая и прохладная, рукопожатие дружелюбное. Вообще он был скорее приятен.

— Я сейчас замещаю заведующего отделом, Александра Марковича Фабрицкого, — сказал Ган, — он в заграничной командировке, уполномочил меня с вами договориться. Вопрос в принципе решен положительно, дело только за оформлением. Мы вас хорошо знаем и будем рады иметь своим сотрудником.

— Откуда вы меня знаете? — нелюбезно спросил Нешатов. — Я, например, вас не знаю. Я даже, грешным делом, думал, что вы женщина.

— При ближайшем рассмотрении это не так, — Ган улыбнулся бледными опущенными губами. — Мы вас знаем по вашим работам.

— Это — недоразумение. Нет у меня никаких работ.

Ему захотелось сразу же уйти отсюда, где думают, что у него — работы. Но уйти было нельзя, не отметив пропуска. Он стал шарить по карманам. Черт возьми, пропуск куда-то делся... Ган наблюдал за ним сочувственно сквозь толстые очки.

Это сочувствие! Меньше всего он хотел сочувствия. Пропуска не было.

— Садитесь, Юрий Иванович. Поговорим обо всем толком.

Сели. Он начал собой овладевать. Не надо только смотреть в эти темные, искаженные линзами сострадательные глаза, а то, не дай бог, сам себя начнешь жалеть. Он стал смотреть Гану в волосы, негустые, но очень белые, высоко зачесанные с бледного, неживого какого-то лба. В конце концов разговор ни к чему не обязывает.

— Юрий Иванович, мы хотим предложить вам работу в нашем отделе, если, конечно, она вас устроит. Обещать много я вам не могу. Институт наш, носящий зловещее название НИИКАТ (к счастью, сейчас мало кто знает, что «кат» — это «палач»), — институт наш довольно заурядный, второй категории, хотя, по-моему, полезней многих, отнесенных к первой. Здесь делают серьезные дела, а не просто переводят бумагу в макулатуру. Это я не в порядке рекламы говорю, уверяю вас. Вот начнете работать — сами увидите. В нашем отделе дружный коллектив, либеральный заведующий, интересная тематика. Четыре лаборатории, все, кроме одной, моей, возглавляются видными учеными. Должность младшего научного сотрудника, которую мы вам предлагаем, для вас, кандидата наук, не бог весть что...

— Я на бог весть что и не претендую.

— Это временно, пока отделу не выделяют вакансию старшего. Александр Маркович добьется, он на это мастер. А пока ваш оклад согласно тарифной сетке...

— Дело не в окладе, — перебил Нешатов. — Я не знаю, что мне придется делать и способен ли я к этому. И вообще чем занимается ваш отдел.

Ган потер переносицу длинными, тонкими пальцами.

— Что значит старость. Я и забыл, что переговоры велись через Ольгу Филипповну. Вряд ли она могла вам дать четкое представление о тематике отдела. Я постараюсь вам объяснить. — Он отключил телефон, встал и открыл дверь в соседнюю комнату: — Лора, дорогая, если мне будут звонить, солгите, что меня нет в институте.

Хорошенькая блондинка с тонко вздернутым носиком на прозрачном, облачно-бледном лице послушно кивнула:

— Хорошо, Борис Михайлович.

При кивке длинные, прямые, почти белые волосы изящно взметнулись и пали вниз; остроконечными пальцами она заложила за ухо отделившуюся прядь. Голосок — музыкальный, со звоночками.

Кроме Лоры, в той, соседней, комнате были еще люди, но Нешатов никого не успел разглядеть. Двое-трое мужчин, женщина в темном, бормотание внезапно прерванного спора...

Ган вернулся к столу и покойно сел. Плавные его движения, носовой голос убаюкивали, нянчили душу.

— В нашем распоряжении около часа. В половине четвертого я зван на некое пустопорожнее совещание. За оставшееся время успею вас ввести в курс дела, разумеется, в самых общих чертах.

— Курить можно? — спросил Нешатов.

— А вы разве курите? Напрасно! Нет, вы уж меня извините, я попрошу вас никогда при мне не курить. Я органически не выношу табачного дыма! Правда, почти все мои сотрудники курят, и мне приходится все время открывать форточки, а я простудлив...

Нешатов взглянул на огромную форточку с косым крестом:

— Хорошо, не буду курить.

— Возьмите карамельку. — Ган открыл ящик стола. — Помогает. Когда-то именно так я бросил курить.

— Спасибо. Терпеть не могу сладкого.

— Очень жаль. Ну, так уж и быть, для первого раза курите. Разрушайте свое и мое здоровье. Ведь пассивное курение...

— Не трудитесь объяснять. Курить не буду. Я вас слушаю.

— Итак, Юрий Иванович, в общих чертах о нашей проблематике. Главное направление отдела — разработка новых способов общения человека с машиной, делающих возможным их оперативный диалог...

Нешатов нахмурился:

— Неясно. Пожалуйста, говорите со мной как с круглым невеждой.

— Охотно. Каждый из нас — невежда. Я виноват в том, что воспользовался общепринятым жаргоном, а не точной терминологией. У нас часто ради простоты и краткости применяют к машинам термины из области психологии. Например, сказать «память» проще и короче, чем «устройство для хранения

информации». Сказать «общение человека с машиной» проще и короче, чем «передача информации от человека к машине и обратно». В свое время с похожим явлением боролся Павлов, строго запрещая своим сотрудникам говорить «собака думает», «собака чувствует». А вот на нас нет своего Павлова, мы запросто в разговоре очеловечиваем свои машины. Этот психологический жаргон...

— Дело не в жаргоне, — нетерпеливо перебил Нешатов, — и вообще, объявляя себя круглым невеждой, я, кажется, переборщил. Все-таки популярные брошюры когда-то читал...

— Отлично, — невозмутимо сказал Ган. — Значит, вы знаете, что в настоящее время информация вводится в машину главным образом с помощью перфокарт, перфолент, магнитных лент и тому подобное, а выводится с помощью печатающих устройств. И что на ввод и вывод информации тратится время несравненно большее, чем на сами расчеты...

— Сейчас вы скажете, — перебил его Нешатов, — что все эти устройства служат как бы переводчиками с человеческого языка на машинный и обратно и что наша задача — научиться говорить с машиной без переводчиков?

Ган улыбнулся:

— Вы читаете мои мысли. Именно это я хотел сказать.

— Идея не новая. С этим возились уже лет двадцать тому назад, если не больше, и даже демонстрировали опытные устройства, выполняющие перевод. Я сам когда-то болел той же детской болезнью...

— Именно потому мы вас и пригласили.

— Напрасно. Ничего технически разумного я тогда не сделал. Примерно в то же время над проблемой бились Степанов, Карпов и другие. И тоже дальше эффектных демонстраций не пошли.

— Совершенно верно, — кивнул Ган.

— А как у вас? Неужели за последние годы вы не создали ничего путного, годного не для демонстрации, а для делового, рабочего применения? Так и остались на уровне популярной серии «Хочу все знать»?

— Отлично, одергивайте меня, одергивайте, — с явным удовольствием сказал Ган. — Нашего брата невредно иногда одернуть. Да, к сожалению, в науке есть праздники и будни.